

А. В. Семенов

О ПРАВАХ ПОТЕРПЕВШЕГО В УПК РФ И ИХ СООТВЕТСТВИИ ПРИНЦИПАМ КОНСТИТУЦИИ РФ

Принято считать, что в государстве любые его правовые акты должны базироваться на принципиальных положениях Конституции. Однако анализ статей УПК РФ, затрагивающих права потерпевшего, доказывает, что это не так. Кроме того, очевидно, что некоторые из них разрабатывались без достаточной научной проработки. Такого рода недоработки в достаточной степени нарушают права и свободы человека и гражданина.

Ключевые слова: государственный обвинитель, Конституция, права потерпевшего, принципы, обязанность.

It is usually supposed that in the state any its legal acts should be based on the main provisions of the Constitution. However, the analysis of the R. F. Criminal Procedural Code articles, concerning victim's rights, proves the opposite. Besides it is obvious that some of them were worked out without proper scientific examination. Such shortcomings grossly violate rights and freedoms of citizens.

Key words: state prosecutor, Constitution, victims rights, principles, obligation.

Конституция Российской Федерации провозглашает, что Российская Федерация есть демократическое, федеративное, правовое государство с республиканской формой правления. Декларируя данное положение, Конституция не раскрывает содержания понятия — «правовое государство». Но из теории права известно, что для правового государства основополагающим, фундаментальным, является положение, что любые «действия» государства должны быть отрегулированы законом. Это положение распространяется и на «действия» субъектов, его составляющих, исключая, однако, граждан. Для дееспособных граждан и иных физических лиц в правовом государстве полноправен другой принцип — разрешено все, что не запрещено законом.

Именно это и отвечает концепции правового государства, т. к. данная концепция базируется на юридическом, а не легистском правопонимании.

Защита же прав и законных интересов граждан и иных физических лиц в правовом государстве является его обязанностью и по Конституции гарантируется и обеспечивается правосудием. Правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом. Судебная власть осуществляется посредством, в том числе, и уголовного судопроизводства.

В гл. 7 Конституции РФ изложены и определяются принципы организации и

осуществления судебной власти. Эти принципы следует понимать применительно к **судебной власти**, а не **досудебному производству** по уголовным делам, т. е. к принципам досудебного производства могут быть отнесены и другие принципы, но с обязательным учетом изложенных в гл. 7 Конституции РФ.

Представляет интерес провести анализ реального воплощения некоторых конституционных принципов организации и осуществления судебной власти в ткань уголовно-процессуального закона и в практику раскрытия и расследования уголовных дел.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ), принятом Государственной Думой в 2001 г., установлены принципы уголовного процесса (гл. 2). Однако в иных главах УПК закреплена и ряд других, основополагающих идей, отражающих сущность и содержание уголовного процесса. Учеными-правоведами определены следующие характерные черты принципов уголовного процесса:

1) принципами могут быть не любые, произвольно выбранные воззрения на формы и методы судопроизводства, а только те, которые соответствуют социально-экономическим условиям развития общества;

2) принципами процесса являются руководящие идеи, закрепленные в нормах права;

3) задачи уголовного процесса могут быть успешно разрешены только в условиях организации досудебной и судебной деятельности на основе демократических принципов;

4) принципы представляют собой наиболее общие правила поведения определяющего характера, обращенные своими правовыми требованиями ко всем участникам процесса;

5) они обеспечиваются мерами государственного принуждения и имеют правовой механизм реализации;

6) принципы должны действовать во всех или нескольких стадиях уголовного процесса и обязательно в центральной его стадии — в судебном разбирательстве;

7) они выражают сущность и содержание уголовного процесса, характеризуют самые важные его свойства;

8) они должны иметь самостоятельное содержание, а не дублировать другие принципы [1, с. 22].

Анализ положений УПК позволяет сделать вывод, что законодатель, конструируя кодекс, исходил из необходимости формирования системы принципов, которые, основываясь на конституционных, тем не менее первоначально укладывались бы в русло одной тенденции при его реализации — с учетом охраняемой направленности уголовного процесса, т. е. в конечном итоге для законодателя сформулированные им нормы уголовно-процессуального закона явились последней и непререкаемой истиной — в том числе и для него же!

Представляется, что здесь законодателю не хватило возможности (или желания) объема восприятия всего правового поля Российской Федерации, топографические характеристики которого, как в прошлом, так и сегодня и в будущем, определялись, определяются и будут определяться Основным законом страны. И в вопросе конструирования уголовно-процессуального законодательства он не был до конца последователен и корректен. Кстати, подобное положение четко просматривается и при анализе правовых конструкций других отраслевых кодексов, не говоря уже о текущем законодательстве...

Применительно к уголовно-процессуальному

законодательству, как и в целом для всего судопроизводства, следует отметить безусловность приоритета принципа состязательности и равноправия сторон — ч. 3 ст. 123 Конституции РФ.

Еще со времен Рима юриспруденция понималась как наука о добром и справедливом. Но римские юристы прекрасно осознавали опасность слепого уравнивания в правах сторон, без учета самого существа проблемы разрешения конфликтов между людьми. Поэтому-то при рассмотрении дел стороне обвинения предоставлялось шесть часов для изложения претензий, а защищающейся стороне — девять часов!...

Сейчас же, почти полторы тысячи лет спустя, приходится напрягать воображение, чтобы уяснить, что понимал современный уголовно-процессуальный законодатель под равноправием и состязательностью сторон, если реально на практике он, например, не давал возможности переквалификации деяния виновного лица в порядке надзора в худшую для него сторону, несмотря на выявление **ошибки**, совершенной самим же судом! Ведь в течение трех лет продолжалась полемика в журнале «Законность» практиков и ученых по факту очевидной неконституционности ст. 405 УПК РФ, которая запрещала пересмотр в порядке надзора состоявшегося судебного решения по уголовному делу по основаниям, влекущим ухудшение положения подсудимого. Наконец, 11 мая 2005 г. Постановлением Конституционного Суда РФ была, казалось, поставлена точка в этом вопросе. Конституционный Суд признал, что вышеуказанная статья не соответствует Конституции РФ и Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Несмотря на решение высшего суда страны, до настоящего времени в уголовно-процессуальное законодательство не внесены изменения...

Кроме того,стораживает и тот факт, что на основании действующего УПК РФ пострадавшие от преступных посягательств являются реально менее правозащищенными, чем лица,

привлекаемые к уголовной ответственности. Так, ст. 249 УПК РФ позволяет суду рассмотреть дело без потерпевшего в случае его неявки. Законодатель, таким образом, возлагает защиту прав потерпевшего на государство, в лице которого выступает государственный обвинитель. Однако взгляды прокурора и потерпевшего могут не совпадать. В данном случае нельзя не согласиться с мнением А. Руднева об обязательном участии потерпевшего в судебном разбирательстве, за исключением случаев, если он сам ходатайствует о рассмотрении дела в его отсутствие или не явился по уважительной причине [2, с. 42].

Сюда же следует добавить, что законодатель рассматривает **раздельно** таких участников со стороны обвинения, как **обвинитель** и **государственный обвинитель**. Причем приоритет отдается государственному обвинителю. Так, в соответствии со ст. 239 УПК РФ суд вправе прекратить уголовное дело на основании лишь единоличного отказа от обвинения со стороны **государственного обвинителя** — прокурора. Таким образом, законодатель — **безоговорочно!** — передает права потерпевшего государственному обвинителю, не рассматривая варианта несогласия обвинителей между собой. Об этой проблеме не раз писали прокуроры разных уровней и разных субъектов Федерации [2, с. 42; 3, с. 38]. Проблема действительно насущна, т. к. и здесь конституционный принцип состязательности и равноправия сторон нарушается самим законодателем.

Некорректность законодателя очевидна и по другим позициям. Так, рассмотрим правовую конструкцию ознакомления с материалами уголовного дела. Статья 216 УПК РФ предусматривает ознакомления потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей с материалами уголовного дела на основании их ходатайства. Порядок же ознакомления законодатель устанавливает в соответствии со ст. 217—218 УПК РФ. В соответствии с формулировками этих статей

ознакомление с материалами уголовного дела обвиняемого и его защитника наступает независимо от их желания или нежелания ознакомления с таковыми. Таким образом, действующее уголовно-процессуальное законодательство предоставляет только **возможность** лицу, расследующему уголовное дело, лишь **сообщить** потерпевшей стороне об окончании предварительного следствия, не наделяя следователя **обязанностью** выполнить данное решение. Практически реально это ограничивается тем, что лицо, производящее расследование, приобщает к уголовному делу бланк уведомления, который якобы направляется в адрес потерпевшего. На самом же деле многие потерпевшие узнают о результатах завершения расследования на стадии судебного производства (из личного опыта автора, признанного потерпевшим по уголовному делу и поставленного в известность только судом о том, что дело направлено в суд с обвинительным заключением). С точки зрения права совершенно абсурдно положение, когда дело направляется с обвинительным заключением в суд без ознакомления с ним обвиняемого и его защитника. Однако в порядке вещей завершённые уголовные дела направлять в суд без ознакомления с ними потерпевшей стороны.

Аналогичным образом обстоит дело с ознакомлением потерпевшей стороны с результатами проведенных по делу экспертиз. Статья 206 УПК РФ гласит о том, что заключение эксперта или его сообщение о невозможности дать заключение, а также протокол допроса эксперта предъявляются следователем подозреваемому, обвиняемому, его защитнику, которым разъясняется при этом право ходатайствовать о назначении дополнительной либо повторной экспертизы. В отношении потерпевшего и (или) свидетеля законодатель допускает обязательный момент ознакомления, но только в том случае, если экспертиза проведена на основании ходатайства этих участников процесса либо в отношении

их. Как видим, и здесь законодатель игнорирует принцип состязательности и равноправия сторон. Сторона защиты вправе знакомиться со всеми экспертными исследованиями, проведенными по делу, невзирая на то, по чьей инициативе или в отношении кого они были проведены.

И в завершении хотелось бы обсудить еще одну серьезную проблему и занять сторону авторов, которые предлагают выход из нее.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство отказалось от института возвращения судом уголовных дел для дополнительного расследования. В последнее время этот вопрос активно дискутируется как учеными-правоведами, так и практиками. И здесь нет единого мнения. Более правильной все же представляется точка зрения В. Зыкина, который считает, что данный правовой институт представляет собой, а точнее сказать — представлял, механизм нейтрализации, исправления негативных последствий ошибок и нарушений, допущенных в ходе предварительного расследования, т. е. необходимо реально восстановить данный правовой институт! В настоящее время это весьма актуально. Это важно как точки зрения сути уголовного процесса, его конечного результата — справедливого, в полном объеме разрешения уголовного дела, так и с точки зрения самой сути направленности и действия Основного закона — для восстановления нарушенных прав как участников процесса, так и соблюдения прав и свобод человека и гражданина [4, с. 33].

Именно в контексте вышесказанного нельзя обойти молчанием и тот факт, что «УПК РФ исключил полномочия суда, которые, по мнению законодателя, не соответствуют его функции как органа правосудия и связаны с возлагающейся ранее на суды обязанностью борьбы с преступностью. Возможность возвращения судом дела при неполноте предварительного расследования исключена как препятствующая обеспечению реальной состязательности сторон»

[4, с. 33]. Здесь с законодателем следует согласиться. Но, с другой стороны, разве, по сути и духу Основного закона, не входит ли в компетенцию суда необходимость и возможность восстановления нарушенных на предварительном следствии прав и законных интересов участников уголовного процесса? Совершенно справедливо Конституционный Суд РФ признал не соответствующими нормам Конституции положения дел, когда суд по своей инициативе возвращает уголовное дело на дополнительное расследование. Таким образом, суд как бы принимает позицию одной из сторон [5]. Однако верно отмечено В. Зыкиным то, что не будет нарушений конституционных основ, в том числе и принципа состязательности и равноправия сторон, если дать возможность суду решить вопрос об удовлетворении ходатайства одной из сторон о возвращении уголовного дела для дополнительного расследования. Тем более что это вовсе не **обязанность**, а **право** суда, которое он может альтернативно использовать. Таким образом, суд не будет занимать позицию одной из сторон, а лишь решит законность и правильность заявленного ходатайства.

Многие противники восстановления института возвращения уголовных дел для дополнительного расследования ссылаются на ст. 221 УПК РФ, согласно которой прокурор вправе вернуть уголовное дело для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков... Однако в данном случае срок, отведенный для производства дополнительного следствия, законодателем не установлен, а лишь указано, что прокурор в течение 10 суток с момента поступления к нему дела с обвинительным заключением должен принять по нему решение. Даже если рассматривать тот вариант, что прокурор в первый же день направит уголовное дело на дополнительное следствие,

то срок в 10 суток представляется совершенно недостаточным. Этот срок настолько мал, что он подходит лишь для устранения технических ошибок, а не для производства в полном объеме следственных действий. Тем более таких достаточно сложных и трудоемких, как, например, назначение и производство судебно-медицинской экспертизы и, соответственно, перепредъявления обвинения на основании полученного заключения эксперта (возвращаясь к «наболевшему» судебному процессу, где в качестве потерпевшего выступал автор).

В заключение следует отметить то обстоятельство, что совершенствование тех или иных отраслей действующего законодательства — весьма длительный и сложный процесс. Как представляется, на сегодняшний день просто невозможно избежать «окон уязвимости» — недочетов и просто ошибок в законодательстве. Этому много причин. В первую очередь, это объясняется тем, что нынешний законодатель «родом прямо из социализма». Необходимо, чтобы у законодателя был опыт предшествующих, демократических «поколений законодателей»...

Наиболее оптимальный путь минимизации таких ошибок — обязательное предоставление проектов законодательных актов на суд широкий и введение запрета на кулуарную разработку таких проектов.

Список библиографических ссылок

1. Зайцева Е. А. Реализация состязательных начал при применении специальных познаний в уголовном судопроизводстве: монография. Волгоград, 2006.
2. Руднев А. Процессуальный статус потерпевшего // Законность. № 5. 2004.
3. Говорков Н. Дважды потерпевший // Законность. № 9. 2004.
4. Зыкин В. Необходимо восстановить институт возвращения судом уголовных дел для дополнительного расследования // Законность. 2005. № 8
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. № 7-П.

© А. В. Семенов, 2009